

ГЕН БЕССМЕРТИЯ

Ю_ШУТОВА

Ю_ШУТОВА

Ген бессмертия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67669970

SelfPub; 2023

Аннотация

Как бы далеко ни ушло человечество в будущее, но проблема выгорания трудоголиков останется. Ведущий инженер проекта "Генетическая перспектива" Гена Петров отправляется в длительный отпуск, чтоб как следует встряхнуться. И даже не догадывается, какая встряска ему уготована. Все началось со встречи с девушкой, которой он дал имя Ксения. Планет-океан, грузовик, с которым можно поговорить по душам, нашествие муравьев Папы Сью и главное – великая проблема, которую пытается решить Петров: дать человечеству бессмертие.

Содержание

Диона	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ю_ШУТОВА

Ген бессмертия

Диона

– Добро пожаловать в океанский мир Дионы. Пожалуйста, займите ваше место в надводном модуле, он доставит вас на поплавок. Перед вами раскинется бескрайний мир океана...

Проникновенный голос Джесики, виртуальной хозяйки турстанции расписывал прелести одинокого путешествия в глубинах, но Петров не слушал, вся необходимая информация сама наматается на мозги: правила безопасности, инструкция к оборудованию, если его можно так назвать, все про флору и фауну планеты. В конце отпуска можно это стереть, а можно унести с собой в памяти. Все для удобства клиентов, все на благо человека.

Чёрт, дал же себе слово не вспоминать о работе, но вот, выскочила это навязчивая фразочка из корпоративного кодекса: «Все на благо человека», и тут же закрутилось в голове: «...феномен синтетической летальности при достижении возраста...» Тьфу, тьфу, изыди, послали тебя, Петров, отдыхать – отдыхай. Не мути свое сознание, а то выгоришь – потеряет корпорация ценного работника. А сам-то ты чем тогда займешься? Мемуары засядешь писать? «Как я был ве-

дущим инженером проекта GL111z». Пардон, индекс проекта засекречен. Тогда так: «Как я кромсал и клеил летальные аллели, и как из этого ничего не вышло».

Крохотный одноместный экраноплан-беспилотник, раскинув крылья, скользил в полуметре над водой. Под прозрачным полом чуть искрящейся изумрудной лентой неслась поверхность океана. До поплавок, небольшой станции, откуда начинался спуск в глубины Дионы, Петров долетел за десять минут стандартного общеземного времени, хотя от берега было миль тридцать. Ионный двигатель позволял двигаться и быстрее, но это уже перегрузки, это не для туристов. Еще минут сорок заняло знакомство с «оборудованием» и цикл «врастания». Петров, очень далекий от морского отдыха, впервые столкнулся с этим. Ну, видеть-то видел по визору, но сам не пробовал.

«Вот насоветовал Санёк. И на что я теперь похож?» – усмехался он, улегшись в открытый полукокон и глядя в голографический экран на то, как он превращается в ихтиандра. За уши пристраиваются розовые кустики жабр, совсем как у аксолотля, верхнюю часть лица накрывает прозрачная мягкая линза, на ногах «отрастают» ласты, тело обволакивается тоненькой пленочкой. Все это сделано из биогена, хрящеподобной псевдоживой субстанции, тоже, кстати, продукта родной корпорации. Биоген насыщен сосудами. Он срастается с телом, становится второй кожей, не только позволяет ей дышать, но усиливает кислородный обмен и за-

одно защищает от глубинного холода океана. Жаль, только живет недолго. Этот «костюмчик» рассчитан на шесть часов. Нужно успеть вернуться на поплавок, пока биоген не начал разлагаться. Но прикрепленный к виску чип предупредит, когда надо будет поворачивать лыжи, ну то есть ласты. О любой опасности предупредит, он мониторит округу на мили. Хотя какие тут опасности?! Это же туристический курорт. Десятимильная зона вокруг поплавка огорожена отпугивающей сетью, ультразвуковой, энергетической, пространственно-флуктуационной, или еще какой – в приветственной речи Джесика о технических подробностях особо не распространялась. Главное: здесь абсолютно безопасно. Кораллы, рыбки, безобидные дракончики и колоритные парусники, чем-то напоминающие земных мант, только плывущие, выставив крыло вертикально. Закрепленная на лбу микрокамера позволит «создать прекрасный фильм о подводном царстве Дионы», – это тоже радостно напела Джесика.

– Ну чё, Геныч, как дела? – Санёк распахнул дверь лаборатории и ввалился носорожьей тушей.

Это Петрову – Санёк, давний друг и однокашник, а всем остальным – Александр Игнатьевич Иловайченко, директор отдела «Генетическая Перспектива» корпорации «Заслон».

– Нормально. Шестой этап закончили, и, ты знаешь, есть, есть очень интересные зацепочки. Метилирование гена рецептора глюкокортикоидов дает...

Иловайченко двинул пухлой ладонью, смахивая за дверь лаборантку Леночку, уселся на ее место. Офисное креслице протестующе крякнуло.

– Я не про этап. Я, Геныч, про твои дела, – друг-начальник принажал на «твои».

Петров как-то замитусился, нервно подергал русую челку, пробежался с угла на угол просторной лаборатории, переложил с места на место какие-то бумаги, опустил глаза, ответил:

– Да тоже нормально, скрининг я прошел, ничего вопиющего там нет. Ну некоторое снижение уровня экспрессии...

– Знаю. Читал заключение. Поэтому и пришел. Да ты бы сел. Поговорить надо.

Петров присел на край стола, за которым вальяжно развалилось его непосредственное начальство.

– И что скажешь, Санёк?

Гена чувствовал: от разговора ничего хорошего ждать не придется. И оказался прав.

– Выгорел ты, Геныч. Ну почти. Еще чуть-чуть и алес, – видя, что друг пытается что-то возразить, протестующе поднял руку. – Не спорь, не спорь. Ты сколько уже этим проектом руководишь? Лет тридцать?

– Тридцать четыре, – выдохнул Петров.

– Во-о-от. А результатов – фиг да нифига. Великая цель – победить саму матушку Смерть. Дать человеку бессмертие. Или, хотя бы, почти. И смириться с тем, что не ты это сде-

лаешь, не успеешь, помрешь раньше, очень тяжело. Сколько нам с тобой еще осталось? Лет двадцать? Ну тебе может поболе, я-то со своим, – он обвел руками необъятные тела, – багажом раньше сойду. И ты гонишь лошадей: скорей, мати-йёти, скорей, болезные!

Он помолчал, вытащил из кармана штанов носовой платок, смахивающий на небольшую скатёрку, шумно высморкался. Подержал паузу. Петров тоже молчал, ждал продолжения.

– Короче, Геныч, вали-ка ты в отпуск, – еще один отсекающий протесты жест, – властью, данной мне Генеральным советом директоров нашей многоуважаемой Заслонки, повелеваю: в отпуск! На полгода, а? Ничего, Перспектива подождет. Мне проще подморозить проект, чем искать нового руководителя. Да, я меркантильный самодур. И не спорь, приказ я уже подписал. Я босс, мне решать.

– С понедельника валить?

– Зачем с понедельника? Понедельник, сам знаешь, когда начинается. Сегодня вали. Вот прямо сейчас. Что, еще два рабочих часа? И много ты за два часа успеешь? За тридцать сколько-то там лет не успел, а за пару часов успеешь. Гениальность осенит. Ген гениальности в Гене очнется, – Иловайченко засмеялся, подхрюкивая: любил подобные созвучные масло-масляные фразочки, придумывал постоянно и всегда радовался им, – давай пошли. Я тебе одно турагентство покажу, шикарное, они быстро тур нарисуют.

Петров пожал плечами:

– Зачем турагентство? Что я из дома не организую?

Приятель ухмыльнулся:

– Неа. Я тебя не знаю, что ли? Проваляешься на диване, ну на крайняк в Хибины метнешься. «Лыжи у печки стоят...», – фальшиво пробасил Санёк и добавил, – Так и простоят у печки. А ты через неделю прискачешь: вот он я, отдохнутый – свеж, как огурец, дайте поработать. А мне надо тебя на полгода куда подальше спровадить, что б ты мозги свои вычистил. Так что двинем к Кириллу и Мефодию.

– Кто это?

– Ну турагентство. Называется так. Не знаю, почему. Может, хозяева – братья, вот и назвали своими именами, может, у них фамилия неблагозвучная. Прикинь название типа «Братья Сопляковы». Не звучит. А «Кирилл и Мефодий» звучит. Я, кстати, там в прошлом году тур заказывал, океанский. Три месяца из воды не вылезал, думал, плавники отращу. На Дионе. Слышал про такую планетку?

Петров покачал головой:

– Не слышал. Это ближний космос или фронтир?

– Вот как раз в прошлом году из фронтаира вывели. Там почти сплошняком вода, только небольшая кучка островов. Устроили курорт. Для любителей подводных вояжей. По океану повсюду разбросаны маленькие станции, поплавки, и можно квестом от одного к другому плыть, а можно просто вокруг одного понырять. Тебе бы неплохо было. Вода здоро-

во мозг прочищает, вообще думать перестаешь.

Лифт сбросил их с пятьдесят второго этажа, двери распахнулись и беззвучно сомкнулись за спиной. Петров обернулся на башню корпорации, уходить не хотелось. Ехать куда-то – ползать по горам, бултыхаться в океане, что там еще может придумать друг и начальник – все это так не ко времени. Сейчас, когда появился пусть маленький, но все же прорыв. Над прозрачными воротами сияли буквы: «На шаг впереди во всех отношениях». Вот и они сделали крохотный шагок вперед, надо развивать успех, а ему придется на полгода выпасть из процесса. Обидно. Но ведь Сашка прав, он и сам чувствовал: еще чуть-чуть и резерв, его собственный резерв, будет вычерпан до дна. Да какое там! Уже ложка шкрябает по дну – ему казалось, он даже слышит это металлическое «шурх-шурх». Лучше пусть в отпуск ушли, чем окончательно спишут, переведут в принцы-администраторы или почетные представители. Но осознание чужой правоты настроения не поднимало.

Пневмопоезд за считанные минуты доставил приятелей от Новой Славянки, где располагалась штаб-квартира корпорации, до центра города и выплюнул на станции «Гостиный двор». Вынырнув на поверхность, они уперлись в людскую толпу, запрудившую перекресток Невского и Садовой. Со всех четырех сторон беспомощно замерли брошенные беспилотники. В воздухе порхали чижики – крохотные дроны-наблюдатели. Над толпой вздымались плакаты, написан-

ные на бумаге. На взгляд Петрова это выглядело нелепо: зачем переводить столько целлюлозы, разве нельзя было свои лозунги просто высветить лазерными лучами? Подобные заявления он встречал не раз: «Модификанты – нелюди», «Верните нам нормальную семью», «Homo naturalis», «Мы хотим просто жить», «Долой вакцину молодости» и прочее.

Подскочил старик: чуть сгорбленный торс, морщины, волнами сбегаящие по лицу. Рука, усыпанная блеклыми веснушками, сунула под нос веер бумажных листовок.

– Вот, молодые люди, – надтреснутый голосок впился Петрову в уши, – возьмите. Человек – существо натуральное, а эти... – он оглядел друзей с головы до ног, и голосок приобрел презрительные нотки. – Хотя какие вы молодые... Небось старше меня.

Старик растворился в толпе, но листовки все же втиснул в широкую ладонь Иловойченко. Тот смял их, не читая. Оглянулся в поисках утилизатора, не нашел и затолкал в карман. Засопел, недовольно.

– Слушай, ну вот чего они, Геныч? Чего им надо? Не хотят жить молодыми и здоровыми? Хотят быть, как этот? Ни фига не шарят ни в генетике, ни в эпигенетике, а выводы делают. Модификанты, понимаешь, не люди. А кто? Конь в пальто? Вакцина молодости... Дураки...

Помолчал, мусоля какую-то мысль.

– Хотя правильно. Вот это они правильное название придумали. Не научное ни разу, зато красивое, – и повторил,

вроде уже утешившись, – вакцина молодости. Звучит.

Они обогнули митингующих, пошли в сторону Фонтанки.

– Знаешь, Саня, я первый раз старика увидел, когда мне четыре года было, – Петров сам не понял, почему вдруг вспомнил тот давно позабытый детский эпизод и почему решил рассказать его.

– Испугался тогда до икоты. Думал это чудовище, инопланетник.

– И кто это был?

– Дядя Паша, папин младший брат. Он тогда домой вернулся. Умирать.

– И что?

– Через полгода умер. На похоронах больше всего жалко дедушку было.

– Он еще жив был?

– Да. Папа старшим сыном был. Ему тогда около девяносто было, а деду... точно не помню, сто двадцать где-то. Он потом еще восемь лет прожил.

– А дяде Паше твоему?

– Они с отцом погодки были. Только папа молодой и здоровый, а дядя Паша... Он отказался от программы. Ну первую-то инъекцию ему в младенчестве сделали, это само собой, а вот, став взрослым, не захотел продолжать программу генной модификации. Решил прожить, как эти говорят, натуральным человеком. Как будто мы не натуральные. И вот, когда дяди Пашин гроб уезжал в плазменную печь, дед

все плакал, все повторял: «Сынок, сынок...» Вот тогда я, маленький, впервые осознал: мы все умрем. Умрет дед, умрут мои молодые родители и я умру. И я сказал сам себе: «Никто не должен умирать».

– И ты решил стать генетиком.

– Нет, Сань. Генетиком я решил стать гораздо позже. Когда вырос. Да ладно, это все неважно, даже не знаю, чего вдруг вылезло.

Некоторое время они шли молча. Обескураженные внезапным затором беспилотники постепенно приходили в себя и расплзались в сторону Караванной и набережной Фонтанки. Петров шел и думал о дяде Паше. Не вспоминал о нем не то что годами, десятилетиями, а тут метнулся под ноги согбенный старикашка, и выплыло из глубин памяти. Четырехлетнего Генку пугало его лицо, оно снилось ему ночами: морщины глубокими рвами, серая поросль кустистой бороды, выцветшая голубизна пустых глаз, провал беззубого рта – лицо превращалось в ландшафт, чуждый и опасный, готовый убить, сожрать. Провалившаяся в плечи голова. Медленное шарканье ног, неимоверно тяжелых для иссохшего, растратившего весь запас жизненной энергии тела. Но больше всего пугали перевитые синими венами руки. Скрюченные пальцы с распухшими суставами. Бесконечная мелкая дрожь этих похожих на корни крымского самшита рук. «Почему он такой?» – спрашивал мальчишка у отца. Тот, хмурая бровь, отвечал: «Это его выбор».

Выбор... Позже, став взрослым, Гена решил: не выбор – отказ. Таких отказавшихся с каждым годом становилось все больше. Конечно, поначалу, когда была окончательно разработана программа генной модификации от желающих воспользоваться ею отбоя не было. Весь мир охватила эйфория: молодость, пусть не вечная, но перманентная! Разве это не многовековая мечта человечества?! И вот она сбылась. Базовая бесплатная программа была доступна всем: никаких врожденных дефектов, здоровье от рождения, плюс пожизненная гарантия этого самого здоровья. А как поднялась генная пластика, удовольствие вовсе недешевое! Но, как говорится, кто вам считает? Ничего не надо резать или подшивать – пара-тройка инъекций, некая не особо понятная, да и ладно, перестройка генов – и твой нос, или губы, или уши, или задница, не говоря уже о груди, приобретут ту самую возжеленную форму. И волосы не надо красить – закажи любой цвет и уколись. Надоел через несколько лет – будьте любезны, еще укольчик. Никакой седины, дряблости, климакса, деменции. Было от чего прийти в восторг.

Почему позже, через несколько поколений, они стали отказываться? Почему сначала единицы, потом сотни, тысячи, десятки тысяч людей предпочли старость? Петров не мог этого понять. Отказывался принимать такой странный выбор. Не выбор – отказ. Да, генная модификация не смогла значительно продлить срок человеческой жизни, выигрыш был минимальным: сто двадцать, сто тридцать лет против

восьмидесяти-девяноста. Отпали генетические болезни и те, что развивались к старости, вот и выигрыш. Но прожив свой сто с лишним лет, человек все равно умирал. И умирал молодым и здоровым. Никто не хочет умирать молодым. Обидно. Наверно, это и было основной причиной. Жить и помнить, что скоро чья-то всевластная рука повернет твой рубильник: через двадцать лет, через десять, через пять, завтра... Завтра! А ты молод, а ты только встретил ту самую, единственную, а у тебя маленькие дети, и ты уже точно не увидишь их взрослыми. Непереносимо.

Дети... Семья... Они требуют: «Верните нам настоящую семью!» Что для них настоящая семья? Папа, мама, трое, ну от силы пятеро детей. Бабушки плюс дедушки. А теперь детородный период длится всю взрослую жизнь. Вон у Иловайченко и его Татьяны тридцать семь детей. Правда с ними живут только последние, девчонки-тройняшки, маленькие еще. Петров так и не научился различать эти мордашки. Кто Верка, кто Светка, кто Иришка? А если у человека десяток браков за всю жизнь, и в каждом далеко не по одному чаду? Он и не помнит, может, некоторых. Даже многих. А еще десятки собственных братьев и сестер. Дядя и тетки, кузены и кузины... Не сосчитать. Иловайченко, кстати, сосчитал. Уверяет, что от его деда ныне живущих иловайченков восемьсот двадцать шесть человек. Огромный клан, где уж тут всех упомянуть?!

Но почему демонстранты с плакатами считают это ненор-

мальным? Когда-то в древности тоже были патриархальные большие семьи, кланы. Для предков правильно, а для нынешних, как они говорят, модификантов, ненормально. Ерунда же! Разве нет?

Небо заволокло серой хмарью, начал накрапывать дождь. Иловайченко принялся недовольно бурчать:

– Лето наступит когда-нибудь, мати-йёти? Середина июня, а без куртки на улицу не выйдешь.

От этого ворчания Петрову вдруг стало легче. Даже веселее. Что бы ни кричали недовольные достижениями науки и техники, а человек совершенно не изменился.

– Ну знаешь, Сань, люди веками жалуются на погоду. Старо, как мир. Уже научились гасить тайфуны и цунами, а на дождик жалуемся. Слушай, может, я все же домой двину? Завтра встану и поищу, куда поехать. Чего ты меня, как маленького, за руку тянешь?

– Не, Геныч, никаких «домой». Тебе понравится. Они тебя в тридэшку виртуальную всунут, полное ощущение присутствия. Хочешь в горы, хочешь в лес, в океан. В океан лучше, это я тебе говорю. Тебе сразу туда захочется. А дома у тебя даже визора приличного нет, что я не знаю, что ли. Я тебя не только до агентства дотяну, я еще и в телепорт плюну, когда ты с Земли-матушки стартанешь. Убедюсь, что ты уехал. Или убежусь? Короче, я с тебя не слезу, не надейся.

Он все поглядывал в небо. То ли старался понять, когда закончится дождь, то ли просто любовался его безмятежной

серой пустотой: в историческом центре была сплошная бесполётная зона – ни пассажирских мыльниц, ни дронов-до-ставщиков.

Гена плыл сквозь изумрудную толщу, едва шевеля ластами. Все ниже, все глубже – по наклонной, словно катился с горки на животе. Картинка вокруг разворачивалась такая же, как ему продемонстрировали в турагентстве. Только там, продвигаясь сквозь виртуальный океан, он дышал как человек, а тут вроде и не дышал вовсе – жабры работали, вдыхать не требовалось. «Народу» вокруг хватало. Большие, размером с овчарку, контрастно раскрашенные рыбы, синие с лимонными «губами» и такими же плавниками, плыли рядом, кося в сторону человека круглыми глазами, выворачивая их то влево, то вправо. Чип, пристроенный на виске, услужливо подсказал название: желтоусая галимеда. Вдруг они метнулись в сторону, скрылись в качавшихся ветвях-щупальцах кораллоподобного куста. То ли вид ихтиандра Петрова им прискучил, то ли испугала стайка мелких змеек, красными молниями метнувшихся наперерез. «Полиноя-Дото», – шепнул прямо в мозг чип. Неомериды и понтопореи, мениппы и кранто – чип перечислял всех, спешащих по своим делам местных обитателей. Пестрая карнавальная толпа, танцующая, перетекала вокруг. Иногда особо любопытная мелочь, какая-нибудь черная лигея, или попугаисто-полосатая навсифоя касалась плавником или носом, пытаясь понять, кого

это принесло в их околото́к, что за рыба такая, бледная, с розовыми кустиками жабр. Тогда Петров отмахивался ладонью, как от надоедливой мухи, не имея возможности отпугнуть общепринятым: «Брысь!», – брыскал мысленно.

Наверно, он забрался достаточно далеко от поплавка. Но это нестрашно. Стоит только подумать, что хотелось бы вернуться, чип, связанный с его мозгом в единую нейросеть, позволит взять верное направление. Как у птиц, что всегда возвращаются домой или у рыб, поколение за поколением идущих в одни и те же места на нерест. Но Гена, еще не надумал поворачивать ласты к дому, скольжение в воде захватило его: безмолвие, яркие, как елочные игрушки, обитатели – прав был Сашка, когда буквально пинком вышвырнул его в отпуск. Океан Дионы гасил мысли: недовольство собой, суету, сожаления, что не успеет закончить проект.

– Вот и прекрасно, что есть рейс прямо сегодня, – Иловайченко все решил за него, – и домой тебе незачем. Что тебе собирать? На крейсере получишь и одежду, и все, что надо. Так что давай, бронируй место. А то следующий на Диону лишь через две недели.

И он, ведомый другом-начальником, забронировал одно место на пассажирский крейсер «Гагарин», стартующий с орбитального космопричала тем же вечером, через какие-то пять часов. Всего и подождать, по мнению Иловайченко, фиг да нифига. Санёк проводил его до купчинского телепорта и

не уехал, пока дверь телепортационной кабины не закрылась за Геной. Кто его знает, может и плюнул вслед, как обещал: доброй дороги, мол. На борту крейсера был выбор: бодрствовать неделю, наслаждаясь прелестями космического перелета, или спать в анабиозном коконе. Петров выбрал сон. Не встречаться с другими пассажирами, не разговаривать, не объяснять, кто он, куда и почему летит, а главное – не пережевывать раз за разом последний этап Перспективы, не искать ошибки, не отращивать, как бороду, чувство вины и неудовлетворенности. Вот и вышло, что только вчера они с Сашкой шли по Невскому, обходя митингующую толпу, а сегодня он, Геныч, ихтиандром ввинчивается в водную плоть Дионы, одну из свеженьких планет ближнего космоса.

Космос делился на ближний и дальний не по расстоянию: километрам, парсекам или световым годам. Планеты земной группы, пригодные или почти для колонизации, были разбросаны по разным звездным системам. В группы ближнего космоса входили уже освоенные, подтянутые, порой и за уши, к годному для человечества уровню. В дальнем оставались все остальные. Еще был фронтир – планеты в стадии освоения: изменения атмосферы, климата, уничтожения любых потенциально опасных для человека факторов: от смерчей до ядовитых растений и самых страшных хищников. И их, как говорит Иловайченко, многоуважаемая Заслонка была здесь очень при делах: снабжала рейнджеров фронта не необходимым оборудованием. «Всё, что мы создаем, – на-

дежно. Мы трудимся на благо человека», – гласил кодекс корпорации, и сомневаться в этом не приходилось: каждые десять-пятнадцать лет Альянс Большой Земли получал новенькую, с пылу с жару планету ближнего космоса. Подготовленную для сельхозколонизации, добычи ископаемых, завода-автомата или курорта. Да и к тому, что рейнджер и колонист – одни из самых распространенных профессий, Заслонка тоже приложила свою высоконаучную лапу. Если бы не программа генной модификации, та самая вакцина молодости, которую нынче стало модно отрицать, как, скажите на милость, земной Альянс потянул бы освоение десятков и сотен планет одновременно? Откуда взялся бы человеческий ресурс, если на Земле жило лишь восемнадцать миллиардов человек. В смысле, на момент внедрения программы. А теперь, пожалуйста, с современными-то семьями-кланами, чего удивительного.

Петров предавался гордости за родную Заслонку, за свой проект, и чего уж греха таить, за собственную руководящую роль в этом проекте. Вот как подействовал океан – смыл всю шелуху с души, оставил только радость и гордость. Задумавшись, он не сразу сообразил, что за зуммер включился у него в голове. А очнувшись, перепугался: чип дятлом стучал в мозг, подавал сигнал тревоги. В случае настоящей опасности чип с носителем не разговаривал. Ничего такого типа: «Э-э... Посмотрите направо, там в пяти метрах от вас, хрен

знает откуда, десятитонный многозубый страшно голодный человеколюбивый (в кулинарном смысле) мегалокрокодилус нереалис. Шансы вашего спасения равны э-э-э... Намного ниже нуля. Вы будете съедены через три минуты. Спасибо, что выбрали наше турагентство. Рады были встрече с вами». Он просто фигачил информацию в подкорку, минуя все эти вербальные менуэты. И руководимый им ихтиандр Петров уже во все ласты улепётывал в сторону спасительного поплавка, прекрасно понимая, что не успеет. Не успеет проплыть две мили, что отделяли его от спасения, потому что всего лишь в миле за спиной мчит, конечно, не мегалокрокодилус, но весьма близкий к нему краснохвостый термодон. Существо малопривлекательное в общении, предпочитающее единственный аргумент в любом споре: откусить своему визави голову, а потом слопать и все остальное. Больше всего термодон похож на мозазавра: крокодилия пасть, вечно голодное брюхо, двойной против того, что у Петрова, набор лап и гибкий, как хлыст, хвост. Симпатяга. Хорошо, что на Земле они вымерли. Но как термодон прогрыз защитный периметр? И почему погнался именно за несчастным туристом? Что вокруг другой дичи недостаточно?

Ни одна подобная мысль не просквозила в мозгу Петрова. Мыслей не было, их глушил чип, оставляя лишь животную жажду жизни.

Он не успел. Зубастая скотина имела все преимущества: и лапы шире, и опыта в игре в догонялки под водой больше.

Термодон обошел Петрова на корпус. На его, ящеров веретенообразный пятнадцатиметровый корпус. Развернулся, ощерившись, и теперь обезумевший от ужаса ихтиандр несся прямо в термодонову пасть, даже не пытаясь затормозить.

Но тут мимо Петрова что-то пронеслось. Вернее, кто-то. Темный силуэт. Он ударил ящерицу в бок, разорвав крепкую кожистую броню. В изумрудной воде расплылось кровавое облако. Термодон извернулся выюном в сторону нападавшего. Хвост крутанулся толстым шлангом, ударил Петрова по голове, сбил с лица биогенную линзу, как напильником срезал височный чип и жабры. Человек, перепуганный, потерявший чувство направления и ясность зрения, лихорадочно задержался, засучил руками и ногами, рефлекторно вдохнул – вода горьким холодным потоком хлынула в горло, в легкие. Петров начал тонуть, в гаснувшем сознании сквозь зеленую муть промелькнуло женское лицо, размытое, с нечитаемыми чертами. Но именно женское. Он знал. Гибнущий от асфиксии мозг подсказал: «Инга. Инга пришла за тобой. Ты умер, Геныч».

Больше он ничего не видел. Но еще какое-то время чувствовал, как голые теплые руки обвивают его, влекут куда-то. Руки Инги. Руки его жены.

Инга умерла тридцать лет назад. Она умерла, и он больше ни разу не женился.

Она работала в той же корпорации, что и он, но в другом департаменте, в бестиарии, как его окрестили сотрудники – в

отделе космозоологии. Разрабатывала меры генного воздействия на автохтонных зверушек, которые мешали продвижению человека в глубины вселенной. А потом ее позвали в экспедицию на Сангариус, занюханную планетку на задворках фронта – окраинная орбита Дзеты созвездия Кормы. Вся она представляла собой единую безводную пустыню: песок и кое-где торчащие из него скальные причудливые образования. При восходе местного светила и песок, и скалы светились в ультрафиолетовом излучении Дзеты ярко-зеленым – это были сплошные урановые руды. Да не простые, а с высоким содержанием хассия, резерфордия и других элементов, что на Земле объемом больше мышьиных слезок не получишь.

Можно представить себе простую человеческую радость: гребни ценное сырье лопатой. Омрачала упоительный восторг от находки местная фауна, состоявшая из одного единственного биологического вида – здоровенного, как бревно, кольчатого, покрытого шипами червя, получившего имя «пенеус кареглазый». С одной стороны червяк заканчивался пастью, отрывавшейся гораздо шире, чем хотелось бы, и оснащенной пятью рядами острых зубов, и выше пасти – тремя парами глаз, возможно и карих. Глаза плотно закрывались кожистыми заслонками, и разглядеть цвет, даже при желании, было затруднительно. Пенеусы проводили жизнь, ползая в толще песка или в прогрызенных ими внутри скал ходах. На поверхность они выбирались в двух случаях: повалиться под

ультрафиолетом и накопить электрический заряд или закусить кем-нибудь из соплеменников. Битвы этих живых батареек сопровождались разрядами молний и с безопасного расстояния выглядели эпично. А еще они были практически неуязвимы. Убить червя можно было лишь поразив хорошо защищенный роговыми наростами нервный узел, заменявший им и мозг, и сердце. Обычно пенеусы ограничивались отгрызанием сопернику задней части, и тогда недоеденный заползал куда-нибудь поглубже отращивать утраченное.

Безмозглые черви, однако, сообразили, что в их мире появилось нечто новое – новая еда – и начали нападать на рейнджеров. А получив отпор, стали объединяться в стаи. Встал вопрос: перенастроить пенеусов, отбить у них страсть к человечине или просто уничтожить, чтоб не мешали человеку копать в радиоактивном песочке. Вот и поехала Инга с группой космозоологов искать ответ. И не вернулась.

Очнулся – будто вынырнул на поверхность. Резко вдохнул – в горле саднило, жгло. Закашлялся. Провел рукой вдоль тела, понял, что лежит на песке. Вспомнил: чудовище, надвинувшаяся зубастая пасть, удар хвоста, сорвавший жабры, другое чудовище, взрезавшее бок первого, кровавый «дым», закрутившийся в зелени океана, судорожный вдох, вода в легкие... Лицо. Последнее, что пронеслось в умирающем сознании. Почему ему тогда показалось, что это Инга? Лицо было совсем чужим: хищный прищур, оскаленные острые

зубы, змеи волос – Медуза Горгона.

Лицо. Оно наклонилось над ним, заслонив свет. Лицо в обрамлении мокрых распущенных волос. Совсем молодое, девичье. Лицу нельзя было дать больше двадцати лет. Сколько лет его хозяйке – разве определишь? Приподнявшись на локте, он оглядел девушку. Обнаженная, она сидела рядом, опираясь одной рукой о песок. Внимательно, без улыбки смотрела на него, будто ждала чего-то. Ждала от него.

– Как тебя зовут? – спросил по-русски, потом подумал и повторил на общеземном.

Она замешкалась, в глазах промелькнула растерянность, она словно перебирала что-то в уме... Или не поняла вопрос.

– Имя. Есть же у тебя имя, русалка?

Он улыбнулся, хотя горло ещё першило от соленой воды.

– Зови меня Ксатль-Туатле. Это хорошее имя, – кивнула головой, – да. Мое имя Ксатль-Туатле.

Он отвёл с ее лица мокрую прядь волос, как занавеску. Она была очень красива. Идеальна, как... Невозможно было подобрать аналог. Не статуя, не произведение искусства, она была живая – лицо не было абсолютно пропорциональным, нос несколько длиннее, чем надо, а подбородок чуть-чуть меньше, чем полагалось бы к такому носу. Кожа цвета молочного шоколада, волосы раскрученными пружинками глухо-оранжевого цвета, как засушенные апельсиновые корки. Она вся была тёплой. Сейчас от неё пахло солью, морской водой, но ему казалось, что сквозь соленую волну

пробивается легкая цитрусовая нота. «Глинтвейн, глоток горячего глинтвейна, вот что она такое, – пришло ему в голову, – глоток, вернувший меня к жизни».

– Ксатль... Как? Можно я буду звать тебя Ксана? Или Ксения. Это тоже хорошие имена. Какое тебе больше нравится?

Она опять задумалась. Этот выбор так важен?

– Ксения. Пусть будет Ксения.

– Отлично, – он, наконец, уселся, сколько можно валяться, песок едва слышно зашуршал под ним, – давай выбирать-ся отсюда. Мы вообще где?

Девушка поднялась на ноги. Прошлась – несколько шагов влево, несколько вправо. Покрутила головой, оглядывая бесконечный пляж. Своей наготы она не стеснялась. Как будто всегда только так и ходила, голышом.

– До ближайшей турстанции двадцать миль. Можно вызвать спасательный модуль, время прибытия от двенадцати до пятнадцати минут.

– Это ты на пляже высмотрела?

Она кивнула и спросила:

– Ты будешь вызывать модуль?

Она словно торопилась избавиться от него. Спасла, вытащила на берег, привела в чувство и досвидос. Даже, как звать спасённого, не поинтересовалась. Обидно даже. Ему хотелось продлить это неожиданное знакомство.

– Ты полетишь со мной? Мы могли бы... – он беспомощно развёл руками, – ну поболтать, выпить что-нибудь. За мое

воскрешение. А? Меня, кстати, Геной зовут.

Прозвучало более чем глупо. Так ему показалось. И он добавил, встав и чуть поклонившись:

– Геннадий Эдуардович Петров. Лучше просто Гена. Инженер-генетик с Земли. В отпуске.

Вот, теперь ещё глупее. Голый и мокрый, всклокоченный, в песке и ошметках биогена. Сейчас она фыркнет и скажет что-то вроде: «Ну и гуляй, Гена, раз в отпуске». Она смотрела на него, чуть склонив голову к плечу. Явно раздумывая. Потом опять кивнула, серьезно, без улыбки:

– Хорошо, Гена. Я полечу с тобой, мы поболтаем и выпьем.

Двухместный экраноплан причалил, услужливо дотянувшись трапом до пляжа. До турстанции он скользил вдоль берега, позволяя сквозь прозрачный пол любоваться игрой морских дракончиков на мелководье. Но Петрову совсем не хотелось смотреть вниз, хватит с него на сегодня водных процедур.

– Слушай, а как ты оказалась там? Ну где эта скотина пыталась меня сожрать. А потом еще одна зверюга примчалась.

– Пролетала мимо. Увидела.

– И ты не побоялась сигануть в воду, где эти крокодилы рвали друг друга?

Она пожала плечами:

– Они же были заняты друг другом. Эти крокодилы.

В ее голосе легким эхом прозвучала ирония – вроде: «Кто

ж боится крокодилов?!»

Он представил, как над зеленой гладью океана скользит экраноплан, и девушка видит бьющихся в кровавом облаке ящеров и маленькую фигурку идущего ко дну ихтиандра. Она прыгает в воду, проносится стрелой мимо свившихся в клубок монстров, подхватывает безвольное тело и тянет его вверх. А потом привозит на пляж.

– А твой экраноплан?

– Что?

– Ну ты же меня... Мы же на чем-то добрались до берега... Где он? Почему пришлось вызывать спасательный модуль? Почему ты меня сразу на турстанцию не отвезла?

Она еще раз пожала плечами, помолчала, будто задумалась, что сказать. Потом, будто нехотя, ответила:

– Я наняла нелегально. Так дешевле. На Дионе все можно найти, здесь есть черный рынок услуг. Всяких. Но я дважды нарушила договор: сначала спрыгнула за борт, потом взяла пассажира. Это не предусмотрено, другая цена. Поэтому он улетел.

– Ух ты! Черный рынок? Я не знал. А что еще там есть?

– Все. Пока все. Контрабанда животными и минералами, торговля контрафактом и ворованным антиквариатом. Ну и разные нетрадиционные услуги. Есть даже продажа рабов, для разных целей. На планетах фронта масса нелегальных товаров и услуг. Потом, когда планету переводят в ближний космос, от этого наследия не так просто избавиться. Годы

уйдут.

Петров даже никогда не подозревал о таком: где-то на окраинной границе Альянса Большой Земли существует иной мир, чужой, страшный и притягательный: где людьми торгуют, а может и убивают, где запросто покупают что угодно, от краденной из музея древней статуэтки до контрафактной модификационной инъекции – сделал укол и отрастил себе... ну третий глаз, например, или третью грудь. Он про такое только в фантастических романах читал. Любил это дело. Но всегда считал невозможным. Так – выдумки. А красивая девушка, сидевшая совсем рядом – он даже касался ее коричневого бедра – запросто, если верить ее словам, прогуливалась в том нереальном мире, нанимала нелегальный транспорт, а может, и что-нибудь покруче. От этих мыслей Петрову стало жарко.

Как только они добрались до турстанции, Геннадий решил показать себя гостеприимным хозяином.

– Джесика, одежду для меня и для дамы. И смешай нам пару коктейлей.

И уже к госте:

– Ты какие коктейли предпочитаешь? А закусить? Я бы взял местную рыбу. Заказывай.

Ксения стала перечислять скороговоркой:

– Джесика, пожалуйста, стейки с кровью, четыре, жареный картофель, идентичный земному, с луком и чесноком, побольше, рулька с шукрутом. И под коктейль мясную та-

релку, двойная порция. Ну и рыбу местную тоже, на твой выбор, Джесика.

Поймав удивленный взгляд Петрова, развела руками:

– У меня очень быстрый обмен веществ. И в океан я же без биогенового костюмчика сиганула, а вода холодная.

Лопала она быстро, а к коктейлю, к хайболу с чем-то за-тейливо полосатым от бирюзового до ярко-розового и вишенкой сверху, не притронулась, сказала: «Не пью алкоголь». Петров, делая вид, что ужасно сосредоточен на своей жареной рыбе, то ли кето, то ли кимо, он не запомнил, как ее обозвала виртуальная кухарка, украдкой в полглаза следил за быстро мелькавшими над тарелками руками Ксении. И даже то, как она отправляла в ненасытный рот кусок за куском истекавшего мясным соком стейка, казалось ему изящным. Красивым. Все в ней было красивым: тело, едва прикрытое выделенной Джесикой белой туникой, кудрявая копна волос, качавшаяся тускло-медным облаком над лицом, линия тонкого носа и глаза цвета океанской воды, удивительные живые изумруды.

Недолгие дионские сумерки быстро сменились ночью, бархатно-черной, усыпанной незнакомыми звездами, веющей легким морским бризом. Окна станции были открыты, и по комнате гулял сквознячок, перемешивал запахи: низкий густой – жареного мяса, легкий пузырьковый – нетронутых коктейлей, соленый влажный – близкого океана. И опять чудилась Петрову в этом облаке ароматов едва заметная цит-

русовая нота. И вязалась она именно с этой незнакомой ему девушкой. Пока незнакомой.

– Останешься?

Ксения оторвалась от недоеденной рыбы. Посмотрела на Петрова. Взгляд ее был немного более долгим, чем ему хотелось бы. Немного более неподвижным, чем было, по его мнению, принято. «Она оценивает меня? Взвешивает на своих весах, будто покупает какую-то запрещенную дурь или игрушку, – он внутренне поёжился, – может и не стоило предлагать». Нет, стоило. И ему очень хотелось, чтобы она осталась. Еще ни с одной женщиной, после Инги, конечно, не хотелось так сильно: пусть просто будет рядом – сидит, расковыривает кусок рыбы, короткими глотками пьет воду из высокого стакана, молчит, накручивает на палец пружинки волос. Пусть смотрит на него своими невозможными изумрудами. Пусть она будет.

Ксения кивнула. Молча кивнула и вернулась к поеданию рыбы.

– Сказать Джесике, чтоб приготовила тебе комнату?

Ксения, не поднимая глаз, помотала головой:

– Нет. Зачем? Я останусь в твоей.

Как само собой разумеющееся.

Получалась какая-то история из дремучей древности: подобрал ты на берегу одинокую девушку, привез в свой дом, накормил-напоил, и она из благодарности легла в твою постель. С той только разницей, что не ты спас ее от дракона, а

она тебя. Смешно? Пусть, не важно. Важно, что она с тобой, правда, Петров?

Пахло морем и апельсиновой коркой, губы искали друг друга, пальцы скользили по телу, играли вечный любовный мотив, звуки его смешивались с тихим плеском волн, две дионские луны равнодушно заглядывали в окна. Где-то далеко, за гранью мира, что-то незримое лопнуло с хрустальным звоном – Инга ушла навсегда, осталась только Ксения.

Он проснулся от того, что местное солнце радостно щекотало соломинкой луча его лицо: «Сколько можно дрыхнуть? Я встало, и ты вставай!» Первое, что пронеслось в голове: «Ксения! Она была тут со мной. Счастье». И второе: «Ксения? Где она?» – осознание собственного сиюминутного одиночества.

– Джесика, где моя гостья?

– Доброе утро, Геннадий. Как вам спалось? Сегодня прекрасный день, чтобы...

Он не стал слушать приветственный монолог, перебил:

– Я спросил, где Ксения. Ты можешь ответить?

Захлебнувшись невысказанными словами, виртуальная хозяйка буркнула, имитирую обиду:

– Купаться ушла. Куда тут еще можно деться?! Завтракать будете?

– Потом.

Натянув шорты, хотя зачем, тут же никого, кроме них,

нет, выбежал на пляж. Берег пуст, океанская гладь тоже. Прошелся по кромке воды, оставляя недолговечные, до следующей волны, следы. Слушал шепот прибоя. Крикнул пару раз, приставив ладони рупором ко рту: «Ксения! Где ты?» Сел на песок. Смотрел на изумрудную пустоту. Шло ли время? Не замечал. Ждал.

Вдруг показалось: вдалеке воду рассекает треугольный плавник. Только что его не было, и вот вывернулся откуда-то из глубины. Черный акулий плавник. Ну или кто там, кимо-дока, феруса – не все ли равно, как называется хищник. У Смерти много имен. Не показалось. Вот он: лоснящийся высокий плавник зигзагами идет к берегу. Рыщет. Ищет добычу. Акула, она и есть акула, что на Земле, что здесь – наброситься, заглотить, сожрать. Откуда она здесь? А как же волшебные сети, защитный периметр? Грош цена хваленной дионской безопасности. А Ксения где-то там, в воде. И что он может сделать?

Он заметался по берегу, заорал, срывая голос: «Акула! Опасность! К берегу!» Вбежал в воду по пояс. Нырнул. Ничего не увидел в холодной зеленой зыби. Вынырнул. Крутил головой во все стороны, звал: «Ксения!». Боялся увидеть всплывающий к поверхности кровавый дым. Бессильно бил кулаками по воде, смахивал с глаз горькую воду вместе со слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.